

A dramatic scene featuring a human hand on the left and a metallic, articulated robotic hand on the right. The two hands are positioned as if they are about to touch, with a small gap between them. The background is a vast, cloudy sky with a warm, golden light source, possibly the sun, creating a soft glow and highlighting the textures of the clouds and the metallic surfaces of the robot's hand. The overall mood is one of tension, hope, or a pivotal moment of connection between the human and the artificial.

Сергей ЮЖНЫЙ

**Архивы Памяти:
Эволюция Души. Книга 1.
Эстафета Гармонии**

Сергей ЮЖНЫЙ

**Архивы Памяти: Эволюция Души.
Книга 1. Эстафета Гармонии**

«Автор»

2026

ЮЖНЫЙ С.

Архивы Памяти: Эволюция Души. Книга 1. Эстафета Гармонии / С. ЮЖНЫЙ — «Автор», 2026

Они думали, что укрощают пространство, но Вселенная подчинила их времени. Инженер Виктор мечтает лишь о гармонии в семье, но тоталитарная машина Марсианской Империи превратила его жизнь в ад. Когда амбициозный запуск межпланетного телепорта оборачивается катастрофой, Виктор и программист Иван попадают в прошлое. Так начинается «Эстафета Гармонии» — первая книга масштабной гексологии из 6 томов «Архивы Памяти: Эволюция Души». Героев и саркастичного ИИ «Илюшу» в теле робота обезьянки ждет крещение первобытной Землей, выживание среди диких хищников, изобретение пороха и прыжок в мир телепатических ящеров на пороге огненного апокалипсиса. Впереди ученых ждет долгое странствие сквозь шесть великих исторических эпох, где им предстоит столкнуться с богами-технократами, кострами инквизиции, со светом Теслы и тиранами мировых войн. На этом пути отцовское любовь, верность себе и семейные ценности вступят в финальный бой с бездушными технологиями ради спасения живой человеческой души.

© ЮЖНЫЙ С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Непозволительная роскошь.	5
Глава 2. Вкус настоящей роскоши	11
Глава 3. Голос прошлого и настоящего	16
Глава 4. Первый шаг	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Архивы Памяти: Эволюция Души.

Книга 1. Эстафета Гармонии

Глава 1. Непозволительная роскошь.

Бескрайние багровые пустыни **Марса** тонули в пыльной дымке чужого неба. Поверхность планеты, испещренная шрамами каньонов, была покрыта сетью исполинских стеклянных полусфер. Эти **купола**, похожие на застывшие капли ртути в океане красного песка, соединялись между собой тонкими нитями транспортных тоннелей.

В центре этой сети возвышался **главный купол**. Под его прозрачным сводом кипела жизнь пугающего многоуровневого **муравейника**. Город уходил на десятки этажей вглубь ледяной почвы: в самом низу, в вечных сумерках и дыму переработанного воздуха, копошились рабочие сословия, а выше, в холодном неоне, располагались кварталы чиновников. И над всем этим хаосом, пронзая купол почти у самого его пика, возвышалось черное здание министерства.

На самой верхушке этого стального клинка, в **просторном сером кабинете**, царил тишина. Её нарушал лишь тяжелый взгляд хозяина. Амбициозный мужчина в безупречном стальном костюме пристально всматривался в лица двух ученых, сидевших напротив. Те буквально сжались под ледяным напором глаз министра инновационных технологий.

— Поздравляю вас с успешными испытаниями телепорта, господа! — голос министра звучал сухо. — Это триумф. Ваш вклад перевернет основы мироздания. Я уже распорядился о внедрении системы во все ключевые узлы нашей великой Марсианской Империи.

— Вы, вероятно, хотели сказать — Межпланетной? — осторожно поправил темноволосый мужчина, чье лицо слишком долго не видело солнца: бледная кожа, сетка мелких морщинок вокруг усталых глаз и жесткая щетина. На его лацкане поблескивал значок в виде микросхемы — символ принадлежности к корпусу инженеров.

— Я сказал именно то, что хотел, Виктор! — отрезал министр. — Я не намерен делиться технологиями с Землей. Они не вложили в проект ни единого кредита, прикрываясь борьбой за экологию. Чихать я хотел на их проблемы.

— Но это же неправильно, Анатолий Семёнович! — вступил в разговор второй ученый, который был светловолосым юношей, выглядевший болезненно **потерянным**, словно его только что насильно выдернули из глубокого цифрового транса и бросили в этот холодный кабинет. Его мягкие, почти детские черты лица исказились от напряжения, а беспокойные светлые глаза постоянно бегали, не находя опоры в реальности. На его груди, в такт прерывистому дыханию, лихорадочно мерцал сложный геометрический узор — цифровой паттерн программиста. Юный программист судорожно искал хоть какую-то логическую ошибку в словах министра, цепляясь за привычные алгоритмы, чтобы не утонуть в нахлынувшем страхе. Пальцы непроизвольно задвигались, будто продолжая набирать код на невидимой клавиатуре. Ему было физически больно находиться здесь, вне привычного мира данных, и заставлять себя говорить с тем, чья воля ломала любую логику.

— Мы... мы — единый разумный вид! Мы должны помогать друг другу, чтобы жить в благополучии! — уверенно произнес он, но под грозным взглядом Анатолия тут же сжался.

— Разумный вид? — Анатолий резко встал, его лицо исказилось от гнева. Подойдя к окну, за которым сиял купол столицы, он бросил: — Не носи чепухи, Ваня! Были бы они разумными, не превратили бы планету в свалку!

В этот момент к министру бесшумно подлетел дрон-официант. Это был изящный матовый диск, парящий на антигравитационной подушке; его манипуляторы двигались с хирургич-

ческой точностью, не издавая ни единого звука. Он протянул на магнитной подставке чашку дымящегося кофе. Анатолий взял её, даже не глядя на машину — для него эта сложная технология была обыденным явлением, такой же привычной и незаметной деталью интерьера, как дверная ручка.

Попивая кофе, он любовался видом Империи и, не поворачиваясь к подчиненным, продолжил:

— Мой прадед покорял Марс с нуля, возводя первые убежища в мертвой пустыне. А Мы строим светлое будущее здесь, — он резко обернулся к ученым, и в его глазах блеснул холодный металл, — пока эти дикари у себя на Земле доедают остатки прошлого! Мы — венец человеческого творения. Это мы возродили жизнь на Марсе, и только мы заслуживаем самое лучшее! Элита, сумевшая стать богами...

Анатолий замолчал, обернувшись, стал вглядываться в лица подчиненных, которые смотрели на него напуганными глазами, явно не понимая, к чему ведет этот пафосный монолог. Министр выдержал тяжелую паузу, смакуя их замешательство, а затем его голос изменился.

— Мы отошли от сути! — рявкнул он, и чашка в его руке звякнула о подставку. — Я собрал вас не для философских размышлений, а для того, чтобы вы усовершенствовали телепорт.

— Усовершенствовать? — инженер Виктор недоуменно вскинул брови.

— Именно! Раз вы сумели перебросить человека из одного полушария в другое, значит, в состоянии сделать межпланетную телепортацию не сказкой, а реальностью.

— Но это невозможно! — воскликнул инженер. — У нас нет источников энергии такой мощности, чтобы пробить пространство на космические расстояния! — заволновался Виктор, предчувствуя беду, если они осмелятся продолжить.

— Десять лет назад мне говорили, что невозможно летать быстрее света! — отрезал министр. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Моему прадеду твердили, что жизнь на Марсе — это бред сумасшедшего. А теперь посмотрите на мир вокруг нас!

Анатолий шагнул к столу и навис над учеными, упершись ладонями в безупречно гладкую поверхность.

— Я готов вложить любые средства в проект «Межпланетный прыжок». Я выжму из этой планеты все соки, но получу результат! — он почти прошипел последние слова, глядя Виктору прямо в глаза. — **Я ТАК ХОЧУ.**

В кабинете повисла мертвая, звенящая тишина. Даже дрон-официант замер в углу, словно боясь шелохнуться. Иван перестал дышать, а Виктор почувствовал, как по спине пробежал настоящий холодок. Против логики инженера встала слепая, фанатичная воля хозяина Марса.

— Мы даже не знаем, справимся ли... — едва слышно подал голос Иван. Он сжался так, будто хотел стать невидимым для всех.

— Нужно пробовать! Пытаться! — Анатолий взмахнул рукой, расплескивая остатки кофе. — Где бы мы были, если бы Галилей не рискнул напечатать свои труды на весь мир? Так бы и бегали сейчас с копьями, как обезьяны!

— Но вообще-то, Галилей жил в эпоху, когда... — по инерции начал Виктор, пытаюсь включить логику инженера, но, натолкнувшись на ледяной, почти безумный взгляд министра, осекся. — А, вы это... с иронией... — Он понуро опустил голову, чувствуя жгучий стыд за свою неуместную прямолинейность. Спорить с человеком, который переписывает историю ради красивого словца, было бесполезно.

— Приступайте немедленно! — Анатолий вновь подошел к окну и широко раскинул руки, словно пытаясь обнять весь город, запертый под стеклом. — Если не справитесь вы, ваше дело продолжат дети и внуки. Рано или поздно мы создадим этот путь, и тогда ресурсы всей Вселенной станут нашими!

Он замер, любуясь своим отражением в стекле, а затем резко, почти с ненавистью, добавил через плечо:

— Но я не собираюсь ждать вечность. Я хочу результата немедленно!

Ученые опасливо переглянулись. В словах министра им обоим почудилось пугающее, фанатичное безумие.

Анатолий окинул взглядом своих «светил науки». Увидев в их глазах лишь страх и растерянность, он мгновенно преобразился. Гневные складки на лице разгладились, взгляд стал мягким, почти отеческим.

— Вы молодцы! Я горжусь вами, ребята.

Ученые синхронно вздрогнули. Эта внезапная доброжелательность пугала их куда сильнее, чем недавний гнев. Она означала, что разговор перешел на территорию, где у них нет права на отказ.

— Я никогда в вас не сомневался, — вкрадчиво продолжил министр, подходя к Виктору и почти любовно касаясь его плеча. — Помню, как нашел тебя на свалке в нижнем секторе. Ты крошечными, черными от мазута руками восстанавливал дроны из ржавого мусора, чтобы заработать на лекарства умирающей матери. Я лишь разглядел твой гений и направил его в нужное русло.

Анатолий заглянул Виктору в глаза, и в этом взгляде не было тепла — только холодный расчет кредитора, пришедшего за долгом.

— Все так, господин министр, — глухо отозвался Виктор. Голос его звучал безжизненно, как эхо в пустом тоннеле.

— А ты, Иван? — Анатолий повернулся к программисту. — Помнишь детскую колонию, куда ты попал за взлом моих банковских счетов? Мои адвокаты вытащили тебя, доказав, что такой мальчишка не способен на подобное. И где ты сейчас? Весь мир знает твоё имя. Начинаящие кодеры смотрят на тебя как на бога, перевернувшего мир алгоритмов. Верно?

— Да, — коротко ответил Иван, не поднимая глаз. Он вжался в кресло, словно пытаясь слиться с его обивкой.

— Это лишь начало вашего триумфа! Вместе мы изменим Вселенную, — Анатолий сделал паузу, и в его голосе прорезался ледяной холод. — Кстати, как поживают твои близкие, Виктор? Семья: женоушка с дочуркой? У них всё хорошо?

— Да, конечно! Ваш фонд полностью их обеспечивает, я и моя семья бесконечно благодарны...

— Не стоит, — перебил министр, и его улыбка стала похожа на оскал. — Ты работаешь на меня, и я считаю своим долгом заботиться о твоей семье. Следить за **каждым их шагом**. Мы ведь не хотим, чтобы с ними что-то случилось, верно?

В кабинете стало физически холодно. Герои поняли: это не забота, это прямой приговор в случае неудачи.

— Вот и прекрасно. Постарайтесь как можно скорее закончить проект. Мне уже сто лет, господи, и я не собираюсь ждать еще столько же, чтобы ступить на Землю полноправным хозяином, — взгляд Анатолия вновь стал металлическим. — А теперь идите. Работайте.

К ученым бесшумно подлетели два дрона-телохранителя. Их красные сенсоры-глаза вспыхнули, красноречиво указывая на выход. Виктор и Иван встали, поклонились и поспешили уйти, чувствуя, как суровый взгляд министра прожигает их спины сквозь закрывающиеся стальные двери.

Ученые вошли в просторное помещение, до предела напичканное новейшим оборудованием. Здесь пахло озоном, нагретым пластиком и крепким кофе — запахом, который Виктор считал единственным настоящим ароматом жизни.

Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи, заваленные деталями разобранных дроидов, катушками сверхпроводников и голографическими проекторами, на которых замерли сложные схемы телепорта. В центре комнаты возвышался сам «виновник» их бед — массивное шарообразная сфера, опутанная толстыми силовыми кабелями, похожими на вены огромного спящего зверя.

В воздухе замерли десятки дронов-лаборантов; их четырехпалые металлические щупальца были неподвижны, но при появлении людей сенсоры мгновенно вспыхнули синим.

— Спать! — звонко скомандовал Виктор, и машины тут же погасли, возвращаясь в режим ожидания.

Сопровождающие дроны-конвоиры развернулись и вылетели в коридор. Металлическая дверь захлопнулась за ними со звуком, напоминающим лязг тюремной клетки. Только теперь, среди родного железа и мигающих датчиков, Виктор позволил себе выдохнуть.

— Ура! Наконец-то личное время! — Иван, словно ребенок, шлепнулся в глубокое кресло.

Он на мгновение замер, глядя на полку над мониторами. Там, среди бездушных микросхем, сидела старая, потертая мягкая мартышка. Эта игрушка была единственным, что Иван сумел спасти из своего прошлого, когда его — голодного и брошенного — нашли в лабиринтах нижних ярусов. Он никогда не видел своей матери, но в детстве, засыпая на ледяном полу колонии, он шептал свои секреты в это пыльное меховое ушко, веря, что мартышка — последняя ниточка, связывающая его с ней. Своему самому совершенному ИИ он дал имя этой игрушки, пытаясь оживить единственного друга, который у него когда-то был.

— Теперь я смогу спокойно заняться Илюшей, — голос Ивана стал тише и теплее. Он потянулся к панели управления и привычным жестом надел обруч нейроинтерфейса.

Виктор озабоченно оглядел пустую лабораторию.

— Целая неделя отпуска... Непозволительная роскошь в наше время, — грустно заметил он.

— И не говори! Нужно ловить момент, — Иван уже натягивал обруч нейроинтерфейса. — У меня прорва времени, чтобы доработать алгоритмы и выпустить обновление. Мои фанаты в сети уже заждались!

Экран заполнился каскадами кода, транслируемого напрямую из мозга Ивана. Он почти не касался клавиатуры, лишь изредка делал пассы руками, выхватывая и перестраивая целые блоки данных в воздухе.

— Совсем скоро я создам совершенный разум.

— Твой Илюша и так слишком хорош, — Виктор подошел ближе и дружески ткнул напарника кулаком в плечо. — Порой мне кажется, что общаться с ним приятнее, чем с тобой.

— Еще бы! — Иван довольно заулыбался, не отрывая взгляда от мерцающих строк. — Я научил его находить подход к любому психотипу. Базу заложили еще предки, но я вывел её на новый уровень. Довожу характер до идеала.

Глаза Ивана азартно блестели, отражая бегущие каскады данных. Виктор тяжело вздохнул, видя эту пугающую одержимость. Он понимал: парень на грани, он почти перестал различать, где заканчивается интерфейс и начинается он сам.

— Слушай, Вань... — Виктор подошел вплотную, пытаясь перекрыть собой сияние мониторов. — А пойдём ко мне сегодня? Моя женушка обещала испечь торт. Давай просто посидим, пообщаемся! Тебе нужно хоть ненадолго вынырнуть из этого... — он неопределенно махнул рукой на экраны. — Растормошиться надо, понимаешь? Почувствовать вкус настоящей еды, услышать настоящий смех.

— Спасибо, Вить, но нет. У нас в блоке последняя модель мультиварки, она выдает любой десерт за три минуты, еда она везде одинаковая! — Иван даже не обернулся. Его пальцы порхали над сенсорами, выплетая сложнейшие логические связи.

— Да при чем тут мультиварка! — в голосе Виктора прорезалось отчаяние. — Я о жизни говорю! Просто посидим за столом, как нормальные люди, Света обещала приготовить яблочный пирог! Пирог! понимаешь?

— Нет, правда. В твоей семье я буду лишним, — Иван улыбался блаженной, отсутствующей улыбкой. — Ты и так их почти не видишь из-за проекта. Отдохни от меня хотя бы в отпуске.

Виктор почувствовал горький укол жалости. Ему было страшно: его напарник не просто работал, он **растворялся** в алгоритмах, по капле утекая в виртуальную бесконечность.

А Иван в этот момент пребывал в экстазе. Его не волновали пироги и «живое общение» — всё это казалось ему пресным и медленным. Он чувствовал себя демиургом, стоящим у порога великого прорыва. Он не просто кодил, он **нащупывал пульс** внутри мертвого кода, пытаясь заставить холодные цифры дышать. Для него это было актом рождения живой души из пустоты, и ни один разговор в мире не мог сравниться с тем трепетом, который он испытывал, чувствуя, как под его пальцами вот-вот пробудится новый, совершенный разум.

— И как же ты планируешь провести эту неделю? — тихо спросил Виктор.

— Весь отпуск — здесь, за компом! — уверенно бросил Иван. — У меня нет времени на отдых, всего одна неделя, а Илюшу нужно закончить. Потом снова начнется каторга: бесконечный, зубодробительный код Анатолия.

Иван на мгновение оторвался от экрана, его взгляд стал жестким и колючим:

— Вить, я даже не представляю, как мы будем перепрограммировать систему под такие задачи. Любой сверхкомпьютер загнется! Нужно учесть миллионы векторов. Мне придется подключать сотни суб-ИИ, и то не факт, что они вытянут. А потом еще объяснять этим тугодумам из отдела разработки, что и куда втыкать... — Он раздраженно махнул рукой. — Ты видел их код? Это же мусор! Они тупят, ошибаются, им нужно по десять раз разжевывать элементарные вещи. Живые программисты — это самое слабое звено, Вить. Они тормозят прогресс своими перекурами и выходными!

Он снова яростно погрузился в мерцание данных, его пальцы застучали по панели быстрее.

— Вот поэтому я и вылизываю Илюшу. Он должен стать безупречным. Я создам разум, который не ошибается, не устает и не задает глупых вопросов. Мечтаю о дне, когда смогу доверить всю работу алгоритму, а сам буду просто «курить бамбук» и смотреть, как всё работает само. Не жизнь, а сказка! И главное — Анатолий... Ты видел, как он на нас смотрел? Если я дам ему этот прыжок, если Илюша сделает невозможное — я стану для него незаменимым. Он в экстазе будет!

Иван на секунду замер, на его лице промелькнула странная, почти фанатичная улыбка.

— Ладно, заболтался я. Иди отдыхай, ты заслужил. Но между обедами и ужинами в кругу семьи прикинь на досуге: как нам выжать мощност для прыжка хотя бы до соседнего астероида? Если сделаем это — мы боги, Вить. Понимаешь? Боги.

Виктор внимательно слушал друга, чувствуя, как между ними растет невидимая холодная стена. Иван больше не хотел дружить с людьми — он хотел ими командовать с помощью своей идеальной машины.

— Хорошо, Ваня. Если вдруг станет совсем немоготу или просто захочешь поговорить... — Виктор замылся, подбирая слова, но Иван перебил.

— Да не переживай ты так! — Иван даже не повернул головы, его лицо в синеватом сиянии мониторов казалось восковой маской. — Если станет скучно, я с Илюшей пообщаюсь. Он отличный собеседник, получше многих живых. У него, по крайней мере, логика не хромает.

— Хорошо... — почти шепотом повторил Виктор.

Он в последний раз взглянул на лихорадочно блестящие глаза друга и вышел. Тяжелая дверь лаборатории отсекала гул серверов, оставив Ивана в его персональном цифровом раю.

Виктор направился к жилым блокам, стараясь не оборачиваться. За его спиной, в паре метров, бесшумно скользили два дрона-телохранителя. Их красные сенсоры мерно пульсировали, «заботливо» оберегая ценного сотрудника от внешнего мира и любых лишних мыслей.

Глава 2. Вкус настоящей роскоши

Автодрон плавно скользил сквозь разреженную атмосферу Марса. Виктор прижался лбом к холодному стеклу, глядя вниз на багровую пустыню, пока впереди не возник **особняк-купол**. Огромная стеклянная полусфера не просто стояла на земле — она парила на мощных антигравитационных плитах, словно застывшее облако. Когда дрон приблизился, купол бесшумно раскрылся, пропуская гостя внутрь своей идеальной экосистемы.

Виктор невольно зажмурился от обилия света и красок. Здесь, под защитой силовых полей, он воссоздал потерянную Землю. Внизу расстилались изумрудные сады, выстриженные в форме причудливых лабиринтов, пенились хрустальные фонтаны, а воздух был напоен ароматом цветущих лип. Посреди этого оазиса возвышался белоснежный дворец с высокими шпилями — настоящий замок из старинных сказок, который инженер воздвиг для своей маленькой принцессы.

Дроны-швейцары приняли Виктора у порога. Холодными мертвыми голосами они осведомлялись о его самочувствии и предлагали напитки, но он машинально благодарил их, глядя лишь на резные двери дворца.

Вдруг резные двери распахнулись, и на мраморную лестницу выбежала маленькая светловолосая девочка. На ней не было ни шелков, ни украшений — лишь простое хлопковое платье и домашние тапочки, словно она только что спрыгнула с дивана, бросив все свои игры. Она замерла на мгновение, глядя на отца огромными голубыми глазами, и в этом чистом взгляде не было ни капли высокомерия — только бесконечная, бескорыстная любовь.

Для неё весь этот парящий дворец и сады были лишь фоном, ненужными декорациями. Единственное, в чём она по-настоящему нуждалась — это тепло отцовских рук, которого ей так не хватало долгие месяцы разлуки.

— Папа! — вскрикнула дочка и, не разбирая дороги, бросилась по садовой тропинке к нему.

— Доченька! — Виктор, едва сдерживая рыдания, опустился на колени и поймал её в крепкие объятия.

Он прижал её к себе, вдыхая родной запах, и почувствовал, как всё его напряжение, все страхи перед Анатолием и груз ответственности за судьбу мира начинают таять. В этой маленькой девочке, в её простом платье и искреннем восторге, был весь смысл его жизни. Она была тем единственным настоящим, ради чего стоило бороться в этом фальшивом стальном мире.

Виктор зажмурился, чувствуя, как по щекам текут слезы. Гордость в глазах ребенка была для него единственным сокровищем, которое он мог позволить себе лишь несколько раз в году, во время коротких отпусков.

Он открыл глаза и заметил двух дронов-охранников. Они следовали за девочкой бесшумной тенью, «выгуливая» её на свежем воздухе и фиксируя каждое движение. Эта неусыпная слежка, замаскированная под заботу, терзала Виктора, напоминая, что даже этот сад — всего лишь охраняемый периметр.

— Папа, пойдём скорее к маме! Она так ждала!

Сердце Виктора сжалось. Он помнил, как тяжело она болела. «Чудо-врачи» Анатолия совершили невозможное — они буквально вырвали её из лап смерти, но счет за это спасение был выжжен в сознании инженера каленым железом. Теперь он был должником до конца своих дней.

Они вошли в дом. Интерьер поражал имперским величием: высокие своды, антикварная мебель, мягкий свет скрытых ламп. Здесь было всё, о чем только может мечтать человек — богатство, мировая слава, абсолютный комфорт. Не было лишь **покоя**.

Виктор окинул взглядом роскошную залу и вдруг отчетливо понял: он променял тихое семейное счастье и свободу на этот блестящий эрзац. Стоило ли оно того? Он имел всё, но не принадлежал самому себе. Каждая деталь этого «рая» кричала о том, что он — лишь самый дорогой инструмент в руках министра.

— Бу! — раздался звонкий девичий голос из-за угла. Виктор вздрогнул. — Ха, испугался!

Перед ним стояла жена. Глядя на неё, можно было подумать, что Анечка просто внезапно повзрослела: те же огромные голубые глаза, те же льняные волосы и, что самое удивительное, та же лучистая, почти детская искренность в улыбке. Болезнь не смогла выжечь из неё эту чистоту, а «золотая клетка» не заставила повзрослеть и стать холодной. Она осталась светлым ребенком в теле женщины, сохранив в себе дар радоваться мелочам.

Она крепко обняла его, смеясь колокольчиком:

— Как я рада тебя видеть, дорогой!

Виктор не выдержал. Весь груз кабинета Анатолия, весь страх перед телепортом и тяжесть ответственности рухнули. Он упал перед ней на колени, пряча лицо в складках её платья, не в силах больше сдерживать рыдания.

— Я думал... я думал, что потерял тебя навсегда! — глухо выдавил он.

— Ну что ты, всё хорошо! Я совершенно здорова, — она нежно погладила его по голове, и в её прикосновении было столько бескорыстного тепла, что Виктору на миг показалось, будто они не на Марсе, а в старом саду на Земле. — Врачи Анатолия так заботились обо мне... Они такие добрые.

Упоминание этого имени отозвалось в мозгу Виктора резкой болью. Прошлое вспыхнуло перед глазами едкой, ядовитой вспышкой: холодный кабинет и Анатолий, чье лицо было перекошено от ярости.

— Опять ошибка! — гремел министр, и этот звук, казалось, отражался от стальных стен, ввинчиваясь в череп. — Сколько можно проваливать тесты?!

— Это была не ошибка, а необходимый эксперимент, — пытался объяснить Виктор, чувствуя, как немеют пальцы. — Он нужен, чтобы...

— Ты не смог телепортировать паршивый кусок яблока! — Анатолий ударил ладонью по столу так, что подскочил дрон-официант. — Как ты собираешься переправлять людей, если спотыкаешься на фруктах?!

— Господин министр, молекулярная сетка нестабильна, нужно больше времени... — голос Виктора дрожал.

Вдруг крик оборвался. Наступила тишина, которая была страшнее любого рева. Голос министра стал вкрадчивым, почти ласковым, и от этой нежности по спине Виктора пробежал ледяной холод.

— Казна в министерстве не резиновая, если я спущу все ресурсы на твои пустые эксперименты, у меня не останется средств на поддержание жизни твоей больной жены. Она всё еще хрупкая, Виктор. К тому же... — Анатолий сделал паузу, любуясь тем, как расширяются от ужаса зрачки инженера. — Твоя дочь унаследовала ту же генетическую болезнь. Малейшая задержка в терапии — и она угаснет со временем. Человеческая жизнь — штука посложнее твоих схем, Виктор. Одна ошибка, и систему уже не перезагрузишь.

Анатолий подошел вплотную, обдавая Виктора запахом дорогого табака и власти.

— Ты привык ошибаться. Но представь, что твой следующий чертеж — это протокол лечения твоей дочери. Там нет права на второй шанс. Допустишь сбой — и её не станет. Задумайся об этом. Может, тогда тебе наконец удастся переместить это чертово яблоко хотя бы на соседний стол? Иван свою часть кода вылизал до блеска, а твои железки вечно сбоят. Иди. Работай. И помни о своей дочке, она у тебя одна!

— Дорогой, всё хорошо?

Голос жены ворвался в сознание, и жуткий образ Анатолия мгновенно развеялся. Перед глазами Виктора снова была ослепительная улыбка Светы.

— Да... всё просто замечательно, — Виктор попытался выдавить ответную улыбку, но его губы казались чужими и не слушались.

— Ты, небось, голодный! — продолжала она, лучась радостью. Анечка стояла рядом с отцом, высоко задрав голову; её огромные глаза светились восторгом и верой в то, что папа — самый сильный человек во Вселенной. — Хочу вас побаловать и приготовить свой фирменный яблочный пирог!

Виктор вздрогнул. Слово «яблочный» отозвалось в голове ледяным эхом недавних угроз министра. «*Ты не смог телепортировать паршивый кусок яблока!*» — снова прозвучал в ушах яростный рык Анатолия.

Перед взором инженера на мгновение возникло то самое лабораторное яблоко — почерневшее, превращенное в кашу из-за его ошибки. А теперь его дочь и жена ждут от него радости, предлагая съесть тот самый плод, который стал для него вестником смерти.

— Ой, Светик... не стоит. Не нужно перенапрягаться, тебе отдыхать больше надо! У нас же есть последняя версия мультиварки, она за три минуты любое блюдо выдаст. Зачем тебе мучиться? — он попытался мягко отговорить её, пряча дрожащие руки за спиной.

Света замерла, и выражение её лица мгновенно изменилось. В глазах мелькнула тень горькой обиды — её самое искреннее желание столкнулось с непонятной холодностью мужа.

— Витя, — тихо, но твердо начала она, — позволь мне самой решать, как тебя баловать.

Она расправила плечи, и в её голосе зазвучала гордость человека, который знает цену своему труду.

— Я с самого детства только и делала, что заботилась о других. Нас было пятеро, я — единственная девчонка, и именно я удерживала нашу семью, когда всё вокруг рушилось. После смерти родителей я стала для братьев единственной одушиной. Знаешь, они до сих пор тратят часы на дорогу из самых дальних секторов, преодолевая уровни и проверки, чтобы посидеть в кругу семьи вместе и просто поесть пирог с чаем.

Она подошла ближе, заглядывая Виктору в глаза, пытаясь достучаться до его испуганной души.

— Для меня накормить дорогих людей — это счастье. Видеть, как мой пирог согревает вас изнутри, видеть ваши улыбки... это и есть высшая награда. В этом и заключается вся прелесть жизни, Витя, понимаешь? В простых вещах.

Она выплеснула всё, что накопилось. Света понимала, что муж просто за неё боится, но её задел этот отказ от привычного домашнего ритуала.

— Так что, Витя, возражения не принимаются! Ступай поиграй с дочкой, пока я на кухне. Она последние дни только о тебе и говорила.

Виктор гулял по парку с дочкой. Повсюду журчали грациозные фонтаны, а декоративные кустарники застыли вдоль дорожек из массивных плит. Это был настоящий рай, созданный по приказу свыше, но Виктор не чувствовал красоты. Прямо над ними, закрывая собой искусственное солнце купола, зависли дроны-охранники. Их тяжелые черные корпуса отбрасывали пятна на лица Анечки и Виктора, словно **липкая тьма** накрывала их, не давая вздохнуть.

Анечка мило улыбалась, крепко сжимая руку отца, но Виктор шел напряженно. Взгляд машин, фиксирующих каждое движение ребенка, жег ему кожу.

— Слышите вы! Оставьте нас в покое! — нервно, почти срываясь на крик, приказал он.

— Наша функция — защита и присмотр за объектом... — бесстрастно отозвался один из них, и этот механический голос прозвучал как скрежет металла по стеклу.

— Пошли вон! — рявкнул Виктор, теряя самообладание. — Я её отец и имею право побыть с дочерью наедине!

Световые индикаторы на корпусах дронов лихорадочно замигали. Машины «затупили», пытаясь сопоставить прямой приказ создателя с инструкциями министерства. Секунды тянулись мучительно долго, пока процессоры обрабатывали конфликт команд. Наконец, дроны синхронно поклонились и беззвучно скользнули за пределы парковой зоны.

Виктор закрыл глаза и впервые за день **всем телом ощутил облегчение**. Тень ушла. Воздух в саду внезапно стал чище, а рука дочери в его ладони — теплее. На одно мгновение, в этой тишине без жужжания пропеллеров, он снова почувствовал себя просто человеком, а не «ценным объектом» под конвоем.

— Ух! — Анечка радостно запрыгала, и её смех колокольчиком рассыпался по саду. — Без них сразу дышать легче! А то в последнее время мне начало казаться, что они за мной следят. Ха-ха!

Виктор выдавил из себя натянутый, неестественный смех, который застрял комом в горле.

— Пап! — она потянула его за рукав, сияя от счастья. — Пойдем, я покажу тебе, какую веселую площадку мне построили люди дяди Анатолия! Он такой хороший, так обо мне заботится. Говорит, что выполнит любой мой каприз, потому что ты, папа, для него бесценен. Как замечательно, что у вас такие хорошие отношения! Хоть бы так было всегда!

Виктор замер. В этот миг на него обрушилось осознание, которое было страшнее любого крика министра. Пока он «выгрызал» у Вселенной секунды для телепортации яблок, его собственная жизнь утекала в песок.

Воображение услужливо нарисовало жуткую картину: он увидел себя через десять, двадцать, пятьдесят лет — сгорбленным стариком с потухшим взглядом, умирающим от изнеможения прямо на рабочем столе лаборатории. Человеком, который создал «божественные» технологии, но так и не узнал, как его дочь росла, превращаясь в девушку, женщину, мать. Он понял, что Анатолий не просто платит ему — он **покупает его отсутствие** в жизни Анечки. Каждый новый уровень в этом «раю» был еще одним кирпичом в стене между ним и его ребенком.

— Пап, с тобой всё хорошо? — Голос Анечки, наполненный тревогой, вырвал его из оцепенения.

— Да, милая... Всё просто замечательно! — Виктор натянуто улыбнулся и до боли прикусил губу. Металлический привкус собственной крови помог ему удержаться на краю бездны и не закричать от бессилия.

Виктор усилием воли отбросил мысли об Анатолии, решив, что сейчас для него существует в данный момент только его дочка. Он жадно ловил каждое её слово, не сводя с неё глаз, словно пытался навечно запечатлеть в памяти каждую черточку её лица. Это были лучшие мгновения в его жизни, но их хрупкую тишину прервал неожиданный вопрос:

— Пап, а тебе обязательно так много работать?

— Ну как же, — Виктор обвёл рукой пространство вокруг, указывая на сияющий купол и белоснежные башни дворца, — если бы не мой труд, не было бы ни этого высокотехнологичного рая, ни персональных дронов, ни твоего сказочного замка.

— А если бы ты работал как все — по восемь часов? — Анечка остановилась и пытливо заглянула ему в глаза. — Если бы мы жили в обычном доме в нижнем ярусе и ели простую еду, но ты бы каждый вечер возвращался к ужину? Нам бы хватило на жизнь?

Виктор опешил. Логика дочери была безупречна и безжалостна.

— Конечно, хватило бы, Анечка.

— Так может... может, уволишься? — в её голосе зазвучала совсем недетская печаль. — Я ведь тебя почти не вижу. Ты приезжаешь всё реже, и я боюсь... — она запнулась, и её

нижняя губа дрогнула. — Я боюсь, что однажды ты удержишься так надолго, что я просто тебя не узнаю. Ты станешь для меня чужим, понимаешь? Я знаю, что ученый должен служить Империи, но мне так завидно, когда я смотрю на соседских девчонок. У них папы настоящие, из плоти и крови, а у меня — только пиксели на экране планшета, и даже на нем я тебя редко вижу и слышу.

Сердце Виктора сжалось так больно, что в груди перехватило дыхание. Он резко подался вперед и взял её за тонкие ладошки — девочка даже вздрогнула от его внезапного порыва.

— Я обещаю тебе: как только проект я закончу, я уйду в отставку. Я посвящу всё своё время тем, кто по-настоящему этого заслуживает. Тебе и маме.

— Правда? — в её глазах вспыхнула робкая надежда.

— Да. Клянусь тебе! — Виктор произнес это твердо, хотя внутри всё леденело от мысли, что Анатолий никогда его не отпустит.

Дочка просияла и крепко прижалась к нему. Виктор обнял её в ответ, но его тревога не утихла — она стала еще острее. Он только что дал обещание, которое, возможно, станет его смертным приговором.

Вечер собрал семью за столом. Пока Света и Анечка увлеченно делились новостями, Виктор оставался лишь тенью. Тело было здесь, но разум, скованный цепями проекта, метался в лаборатории. Каждая секунда «безделья» отзывалась зудом в пальцах, привыкших к сенсорам, а мозг, словно перегретый процессор, требовал вернуться к вычислениям. Ему казалось преступлением просто сидеть здесь, хотя сердце кричало: эти минуты — единственное, что имеет смысл.

Он невольно вспомнил Ивана. Тому было проще: никакой семьи, никаких терзаний. Только код и Илюша. В этой стерильной определенности Иван казался Виктору счастливее — он не застрял на границе двух миров.

«Но в то же время, — размышлял Виктор, глядя на блики в чашке чая, — Иван променял жизнь на сухие цифры. Ведь любой компьютер в своей основе — лишь сложный выключатель. По сравнению с биологическим разумом даже самый мощный ИИ — примитивная инфузория-туфелька в доспехах из технологий. Иван плодит эти "выключатели", видя в них страсть. Он создает суррогат из кремния, в то время как я создал живую душу».

На мгновение кольнула предательская мысль: а если бы он тоже стал бы программистом? Сидел бы сейчас с другом, беззаботно перебирая строки, и сердце бы не болело...

Виктор перевел взгляд на Анечку. Она что-то рассказывала, и в каждом движении её бровей, в каждом жесте была такая сложность и непредсказуемость, которую не опишешь ни одним алгоритмом мира. Он понял: ошибки нет. Нужно быть безумцем, чтобы променять живое тепло на мигание лампочки.

Отбросив лишние мысли, он наконец позволил себе просто быть рядом, оставив споры о смысле жизни для одиноких ночей в лаборатории.

Глава 3. Голос прошлого и настоящего

Девчонки сладко спали. Виктор долго смотрел на них, не в силах налюбоваться, после чего тихо вышел в гостиную.

В центре зала, облицованного редким белым мрамором, возвышался экран гигантских размеров. Виктор опустился в глубокое кресло — настоящий трон с вибромассажем и встроенным климат-контролем. Дроны тут же закружили вокруг, наперебой предлагая услуги, но он лишь поморщился.

— Пошли вон! Оставьте меня в покое! — рявкнул Виктор, и машины рассыпались в стороны.

Оставшись в тишине, он невольно огляделся. Его нынешняя гостиная была больше, чем весь тот заброшенный ангар в нижних ярусах, где он провел детство. Там, среди проржавевших труб, пределом мечтаний был старый телек из далекого двадцать первого века. Виктор помнил, как сам, будучи еще мальчишкой, сотню раз перепаивал его внутренности, вдыхая едкий запах канифоли, лишь бы экран, побитый трещинами, выдал хоть какую-то картинку. А сейчас...

— Так, где мой пульт? А, точно... — он грустно усмехнулся. — Совсем забыл, что это пережиток прошлого. На тех помойках пультов были целые горы, хоть дом из них строй. А здесь я сам — пульт.

Виктор сделал короткий жест рукой. Лазерные датчики мгновенно считали движение, и гигантская панель ожила, наполняя комнату холодным светом вечерних новостей.

— Сенсационное открытие на планете Земля! — торжественно вещала диктор, и её безупречное лицо на экране сияло от искусственного восторга. — В южной части Африки археологи обнаружили останки ардипитека эпохи плиоцена. Судя по анализам, женская особь прожила долгую жизнь. Но самое поразительное не это! В её руках была зажата медная роза — невероятное творение древней инженерной мысли. Как выяснилось, это сложнейшая музыкальная шкатулка. Только представьте: наши предки были способны на такое искусство! Это доказывает, что даже на заре эволюции люди оставались созидательными натурами...

— Бред какой-то, — проворчал Виктор, невольно подавшись вперед.

Он всматривался в мерцающее изображение артефакта, и внутри него проснулся профессиональный азарт, смешанный с раздражением.

— Всем известно, что эти приматы — просто животные, лишённые искры разума. Они медь переплавить не могли, не то что шкатулку собрать! Очередная телевизионная брехня, чтобы привлечь внимание дураков, верящих в сказки.

Виктор раздраженно взмахнул рукой, переключая канал. На экране возникло потное лицо; всклокоченные волосы стояли дыбом, будто их ударило током. Человек в помятом, когда-то белоснежном халате смотрел в камеру безумным, лихорадочным взглядом. Он заговорил с пугающим энтузиазмом, подаваясь вперед так сильно, что его глаза, казалось, вот-вот выкатятся из глазниц и ударятся о стекло экрана.

— Да послушайте же меня, глупцы! — надрывался старик, размахивая костлявыми руками. — Вы ничего не понимаете! В эпоху гигантов никто ни на кого не охотился. Это были миролюбивые существа, стремившиеся к гармонии! Острые когти? Они нужны были им, чтобы подрезать сухие ветви и заботиться о саженцах! Но упал метеорит, погубил созидателей, и выжили только грызуны. Мы — их потомки. Мы — цивилизация крыс-потребителей, стремящихся только жрать и уничтожать! Я говорю вам истину! Почему вы смеетесь?!

— Да потому что ты бред несешь, Борис! — огрызнулся Виктор.

Он узнал в этом безумце своего старого знакомого — эксцентричного физика, чей разум, похоже, окончательно перегорел под нагрузкой теорий.

— Занимайся своими антигравитационными железками и не суй нос в дела мироздания, — голос Виктора стал низким, почти вкрадчивым, словно он говорил с самим Борисом через экран. — Ты еще не дорос до того, чтобы разглагольствовать о том, что было миллионы лет назад.

Инженер снова переключил канал, стараясь выкинуть из головы этот горячечный бред, но в тишине гостиниой слова о «цивилизации крыс» отозвались неприятным эхом.

— ...В эфире канал «Культура Земли», и сегодня мы погружаемся в античный мир. Тема выпуска: Фивы — древнее убежище всех нуждающихся.

На экране возникло изображение белоснежной мраморной статуи. Камера скользила по тонким детским пальцам, держащие пустоту в руках.

— Степан, перед нами бесценное достояние, — продолжала ведущая. — Почему на ней изображена обычная девочка, а не грозное божество? И главный вопрос: почему её ладони держат пустоту?

— Ха-ха! Пустоту? — ученый в студии коротко, лающе рассмеялся, и в этом смехе сквозило явное превосходство над слепотой собеседницы. — Ну и рассмешили вы меня! В её руках нет пустоты. В них — ожидания всего человечества!

Степан подался вперед, его глаза азартно блеснули. Он явно наслаждался тем, что видит смысл там, где другие замечают лишь дыру в пространстве.

— В свое время каждый грек, подходя к этой статуе, видел в её раскрытых ладонях надежду на то, в чём он нуждался больше всего. Именно эта девочка вдохновила Фивы на величайший подвиг: объединиться со злейшим врагом, Спартой, чтобы низвергнуть тирана Зевса с Олимпа и сравнять его чертоги с землей.

— Бросьте, Степан! Это лишь красивая легенда.

— Легенда? Но она объясняет, куда исчез Олимп и боги вместе с ним. После тех событий греки внезапно перестали слагать мифы. Словно они увидели нечто, что сделало сказки ненужными...

— Боги, мифы, Спарта и Фивы — друзья? Что за бред! — Виктор поморщился, чувствуя, как от этого «информационного мусора» начинает ныть висок. — Совсем историки обезумели.

Инженер раздраженно щелкнул виртуальным пультом, обрывая голос ученого на полуслове.

— «...Да, это действительно так, — вещал диктор под пафосную, нагнетающую музыку. — Галилей пошел на огромный риск, бросив вызов не просто религии, а самой картине мироздания. В одном из писем он признавался: "Был в моей жизни момент, когда церковь приставила нож к горлу. Я был готов отречься, стать образцовым католиком. Но вдруг на моем пути появились двое: зрелый мужчина и юноша с крошечной обезьянкой на плече. Они смотрели на меня как на бога, называли отцом Науки и заклинали не предавать истину. Их слова так тронули меня, что я решил: я умру, но мир узнает правду"».

— Очередная красивая сказка! — проворчал Виктор, до белизны сжимая кулаки. — Специально приукрасили, чтобы нагнать интриги.

Он чувствовал странное, необъяснимое раздражение, словно эти слова задели в его душе какую-то тайную струну.

— И откуда они вообще взяли эти письма? — продолжал он спорить с пустым кабинетом. — Даже оригиналы его книг не дожили до наших дней в первобытном состоянии. Мы понятия не имеем, что там было написано на самом деле, лишь строим сухие предположения!

Виктор резко щелкнул пультом, гася экран. В наступившей темноте гостиниой он всё еще видел перед глазами этот нелепый образ: двое мужчин и обезьянка.

— Как вы считаете, кто умнее: Виктор Прокофьев, чей гений был признан выдающимся в этом году, или Никола Тесла?

На экране возник эксперт. Он задумчиво потер подбородок, глядя куда-то мимо камеры.

— Я изучал труды Теслы. Не побоюсь громких слов: это был величайший ученый в истории. Если вы просите меня сравнить моего хорошего друга Витю Прокофьева и Николу... Что ж, представим их как бойцов на арене. Тесла — это Брюс Ли: быстрый, гениальный, интуитивный. А Витя — это Майкл Тайсон. Тяжеловес, который изучил и скопировал все приемы Брюса, доведя их до абсолютного совершенства. Очевидно, что в современных условиях Виктор уничтожит Теслу в пух и прах — за его спиной колоссальные знания и мощнейшие инструменты Марса.

Эксперт сделал паузу и добавил тише, почти доверительно:

— Но Тесла жил в эпоху, когда у него не было ничего. Ему приходилось выживать и адаптироваться ежесекундно. На мой взгляд, Никола обладал той **первобытной сообразительностью**, которая на порядок превосходит способности Прокофьева. Витя — продукт системы, а Тесла — самородок. Если бы Никола жил в наше время, он бы оставил Виктора далеко позади.

— Спасибо за такой красочный ответ! — ведущая попыталась улыбнуться, но эксперт резким жестом прервал её.

— Постойте! Я забыл о главном. Знаете, что именно заставило Теслу окончательно посвятить себя науке, отказавшись от всех благ? У меня есть отрывок из его самого таинственного письма.

Он раскрыл папку, и в комнате Виктора воцарилась звенящая тишина. Эксперт начал читать:

«Однажды в моей жизни настал глубочайший кризис. Я всерьез задумался о смысле своего существования. Окружающие считали меня чудачком, мир смеялся над моими идеями, и в какой-то момент я опустил руки. В моей голове пылились сотни изобретений, которые современники не могли осознать. Я чувствовал себя пленником эпохи, слишком медленной для моих истин. Я уже был готов всё бросить...

Но вдруг, из ниоткуда, вспыхнул ослепительный свет. В центре этого сияния явился сам Бог в сопровождении ангела. Но, присмотревшись, я увидел в Нем обычного труженика: Он выглядел изможденным, Его плечи давил груз вечной работы, а в уставших глазах горел тот же лихорадочный огонь, что и в моих. Он подошел ко мне и произнес: „Никола, мне нужна твоя помощь. Только ты можешь спасти этот мир“. Я был потрясен до глубины души и, едва обретя голос, спросил: „Вы — Бог?“»

— И что же Он ответил? — ведущая подалась вперед, боясь пропустить хоть слово.

— Он ответил: «Многие меня так называют, но я предпочитаю имя Творец. Ибо я создаю из материи тела, лишённые искры», — эксперт перелистнул страницу, понизив голос до шепота. — А затем, как пишет Тесла, из ниоткуда появилась крошечная, живая обезьянка. Творец указал на неё и произнес: «Она была бы лишь мертвым куском материи, если бы этот юноша, — он кивнул на своего спутника-ангела, — не вдохнул в неё жизнь своим даром».

Эксперт вздохнул и закрыл папку. В студии воцарилась тишина.

— К сожалению, большая часть письма утеряна, — эксперт развел руками. — Сохранился лишь последний лист, где Никола подводит итог. Очевидно, Тесла и сам считал, что всё это — лишь плод его воображения, вспышка в момент беспомощности. Но это «видение» изменило его навсегда. Гость перед уходом сказал Николе, что его потенциал куда выше, чем у него самого. Именно то, что «Бог» признал в нем равного, дало Тесле толчок к созданию тех безумных машин, которые мы признали гениальными лишь спустя столетия.

— Да уж, Тесла — величайший ум в истории, — горько усмехнулся Виктор, глядя в экран. — Хотел бы я хоть раз с ним пообщаться... Эх, Дима, Дима! Откуда у тебя только фантазии хватает такие сказки на ходу сочинять? Горе ты мое гуманитарное!

Инженер покачал головой, и в его взгляде читалось неприкрытое презрение к шоумену.

— Сколько тебе заплатили, чтобы ты развлекал толпу этими баснями, шут гороховый? И ведь не побоялся приплести сюда Теслу! Не стыдно тебе осквернять память такого великого человека выдумками про ангелов?

— Андрей, вы — человек, который первым сумел уместить мощь ядерного распада в обычную батарейку! — ведущая сияла, глядя на гостя. — Как вы считаете, какая держава двадцатого века внесла наибольший вклад в реализацию вашего проекта? На мой взгляд, это американцы — ведь именно они создали первую атомную бомбу...

— Американцы? Не смешите, девочка! — Андрей на экране пренебрежительно усмехнулся. — Они лишь удачно воспользовались наработками немецких физиков, которые не успели завершить проект только потому, что ресурсы Германии поглощала война на два фронта. Если кому и стоит говорить «спасибо», так это ученым из Берлина!

Виктор замер, не сводя глаз с экрана. Он видел, как вытянулось лицо ведущей, но Андрей продолжал, чеканя каждое слово:

— Это исторический факт: в декабре тридцать восьмого года Отто Ган и Фриц Штрассман в Берлине впервые в мире расщепили ядро урана. Это была сенсация! Именно они доказали, что распад высвобождает энергию, которую можно превратить в сверхмощное оружие. Геринг был одержим созданием орудия возмездия, но ресурсов у них не было. Так что не нужно приписывать триумф тем, кто просто пришел на всё готовое!

Андрей недовольно хмурился, и его руки, привыкшие к точным приборам, начали лихорадочно копаться в портфеле. В студии повисла неловкая, звенящая пауза.

— Кстати, изучая биографию Геринга, я наткнулся на поразительную историю, — продолжал Андрей, и его голос в динамиках стал тише, почти заговорщицким. — В личных дневниках он писал, что в момент крайнего отчаяния перед ним явились двое. У них были безумные глаза, и они утверждали, что способны создать атомную бомбу буквально из ничего. Им нужны были лишь ресурсы и лаборатория.

Виктор замер, боясь пропустить хоть слово.

— Геринг, ослепленный жадой власти, поверил этим «шарлатанам». Он лично курировал проект, обеспечил их всем необходимым и установил режим строжайшей секретности. Он вливал в них колоссальные средства, а когда проект был закончен и всё было готово к финальной демонстрации... эти двое просто исчезли.

Андрей сделал паузу, многозначительно глядя прямо в камеру, словно видел Виктора сквозь пространство.

— Они испарились вместе с чертежами и разработками, не оставив ни следа. Словно их никогда и не существовало. Геринг до конца жизни молчал об этом позоре, боясь, что его сочтут безумцем.

— Да уж... — прошептал Виктор в пустоту. — Этот Герман — вылитый Анатолий. Словно его копия, отлитая в другом веке.

Виктор вновь переключил канал.

— ...Канал «Будущее» в прямом эфире! Мы на производственной площадке министра инновационных технологий. Анатолий Семёнович, здравствуйте! Расскажите, какой сюрприз вы готовите для человечества?

— Здравствуйте, — сухо бросил министр, не отрываясь от мониторов.

— Я и мои люди завершаем разработку нейроимпланта с интегрированным ИИ, — Анатолий наконец повернулся к камере, и в его глазах блеснул холодный фанатичный огонь. — Система соединяется напрямую с корой головного мозга. Это позволит не только хранить в памяти колоссальные объемы данных, но и обмениваться мыслями на любых расстояниях. Это технологическая сингулярность. С моей технологией человек сам станет богом, превратив свой мозг в мощнейший суперкомпьютер.

— Невероятно! — восторженно воскликнула журналистка. — Путь был долгим: от наскальных рисунков до бумажных книг и первых флешек. А теперь — сотни терабайт прямо в памяти! Настоящее чудо.

— Это не чудо, милочка, это реальность, — отрезал Анатолий. — Совсем скоро каждый получит доступ ко всем знаниям мира, хранящимся в голове. И только от самого человека будет зависеть, как он использует эту мощь.

Анатолий посмотрел прямо в объектив. Виктору показалось, что ледяной взгляд министера пронзает пространство и впивается ему в самую душу. Он резко щелкнул пультом, обрывая трансляцию.

На сцену вышел мужчина средних лет. Он был одет в безупречный деловой костюм, но этот строгий образ разрушали его волосы — **длинные, ослепительно светлые пряди**, спадавшие на плечи. Они казались единственным символом его внутренней свободы и силы, упрямым напоминанием о том, что его дух так и не удалось согнуть.

Его харизматичное лицо озарила отрепетированная улыбка, но она не коснулась глаз. В их глубине, несмотря на мировую славу, застыла бесконечная, глухая печаль.

— Спасибо, что пришли, Алекс! — пропела ведущая. — Вы сегодня — один из самых узнаваемых людей Империи. Совсем как ваш отец...

Алекс мгновенно помрачнел. Светлые волосы на мгновение закрыли его лицо, когда он опустил голову.

— Ваш отец гордился бы вами...

— Гордился? Не смешите меня! — Алекс горько усмехнулся. — Он презирал меня. Мой отец был из тех людей, для которых мужчина обязан закручивать гайки, а не строчить стихи. Он всеми силами вбивал в мою голову, что я должен стать инженером. Найти «достойную» профессию...

Музыкант замолчал, глядя куда-то вдаль. В этом свете его волосы сияли, как нимб, подчеркивая пропасть между его истинной натурой и тем «инженерным» будущим, которое ему навязывали.

— Но я его не слушал. И, честно говоря, я его не любил — несмотря на всё, что он для меня делал. Я был самым богатым мальчиком в Империи: собственные парки аттракционов, любые прихоти... У меня было всё, о чем дети с нижних ярусов не смели даже мечтать. Я слышал, как слуги шептались за спиной, называя меня неблагодарным щенком. А я просто не понимал, почему я такой. Мне было двенадцать, я только и делал, что писал стихи. Помню, как однажды мы крупно повздорили прямо у него в лаборатории. Он тыкал пальцем в какой-то металлический хлам, способный разогнаться до скорости света, и кричал, что это — будущее, а мои песни — мусор...

— «Видишь, над чем я работал всю свою жизнь?! — отец сорвался на крик, указывая на переплетение кабелей и титановых плит. — Всё ради тебя! Чтобы ты был счастлив! А ты будто слеп! Ты не ценишь ни черта!»

Алекс на мгновение зажмурился, словно снова вдыхая запах озона в той душной лаборатории.

— Я помню, как рядом с ним стоял этот... как его... Прокофьев. Тогда он был всего лишь подмастерьем у моего отца. Он смотрел на меня так же осуждающе, с тем же холодным, «инженерным» блеском в глазах. В тот момент я окончательно понял: всё это научное сообщество — просто банда бездушных машин. Им не понять живую душу. Я просто развернулся и пошел к выходу, а отец крикнул мне вдогонку: «Спустись в нижние ярусы! Посмотри, как живут твои сверстники! Может, тогда в твоей пустой голове хоть что-то прояснится!»

— Дроны привезли меня домой и, как обычно, не отходили ни на шаг. Сидя в шикарном кресле и лениво пробуя очередные деликатесы нашего века, я вдруг задумался: а как на самом деле живут мои сверстники там, внизу? И я решил на побег.

Алекс сделал паузу, и в его глазах блеснул азарт того двенадцатилетнего мальчишки.

Я молниеносно добрался до центрального узла. Огромная кабина поглощала толпы людей. Я слился с этим серым потоком и начал спуск. С каждым этажом пассажиров становилось всё меньше: сначала люди вышли на средних ярусах, затем поток иссяк на технических уровнях, пока, наконец, я не остался в кабине совершенно один.

Лифт замер, ожидая команды. Я нажал кнопку самого глубокого, нулевого яруса — «дна» нашей великой Империи. Кабина рухнула вниз с такой скоростью, что у меня заложило уши. На выходе меня встретили охранники. По их медлительности я понял: это древние модели, жалкие и неповоротливые по сравнению с моими домашними ищейками.

— Предъявите документы! — проскрежетал андроид. Лазерные прицелы камер в углах коридора лениво нацелились мне в грудь.

Я вытянул карту-чип. Дрон считал данные и замер, не в силах сопоставить мои лохмотья с кодом доступа высшего уровня.

— Вы — сын Радугина. Гражданин высшего сословия. Доступ в нижние сектора запрещен. Немедленно вернитесь в лифт, я обязан вызвать полицию!

— погоди, — я перебил его, сохраняя ледяное спокойствие. — Ты ошибся. Это не мои документы, я их украл. Вот мои настоящие данные — сканируй.

Я вставил в его разъем подготовленный флеш-накопитель с вирусным кодом. Красный индикатор на груди робота вспыхнул и сменился покорным зеленым.

— А теперь слушай, — я понизил голос. — Удали все записи с моим участием. Спиши на сбой системы. Меня здесь никогда не было. Ты меня не видел. Понял?

Дрон послушно кивнул.

— А теперь уйди с дороги, жалкая пародия на охранника!

Робот послушно отлетел в сторону, освобождая проход. Я уверенно зашагал вглубь нулевого яруса, навстречу миру, который мой отец так старательно прятал за блестящими куполами.

— Когда я спустился в нижние ярусы, я испытал настоящий шок. Люди жили там, словно муравьи в потревоженном муравейнике: все куда-то торопились, бежали, боясь не успеть, опоздать, потерять крошечный шанс на заработок. Повсюду лязгала техника из прошлого века. Я-то наивно полагал, что такие модели давно переплавили, но здесь их активно латали и использовали.

Алекс судорожно вздохнул, вспоминая грязь и тесноту тех улиц.

— Улицы были запущенными, грязными. На тротуаре копошились два полуразобранных дрона-дворника, лениво сгребая мусор в кучи. Вдруг один из них заискрился и заглох прямо у меня на глазах. К нему тут же подлетел мальчишка, мой ровесник. Весь испуганный, с чумазым лицом, он дрожащими руками вцепился в обшивку.

— «Ой! Опять реле перегрелось! — запричитал он. — Если хозяин узнает, что я заперол дрон, мне несдобровать!» Мальчик лихорадочно пытался восстановить контакт на ходу, но у него явно ничего не выходило.

— Привет! Помощь нужна? — я подбежал к нему, не раздумывая.

Мальчишка вскинул голову, и я на мгновение замер. Передо мной было воплощение самого духа этого «дна». Он был до болезненности худым, а кожа под слоем копоти казалась мертвенно-бледной, словно он никогда не видел даже искусственного солнца верхних уровней. Его рабочая форма — грубая, заштопанная в десятке мест мешковина — висела на нем мешком, вся перепачканная черным мазутом. Руки по локоть были в смазке, а под ногтями въелась техническая грязь. Но глаза... в этих усталых глазах горела такая бешеная, первобытная энергия, что мне стало не по себе. Он был похож на сжатую пружину, готовую лопнуть в любой момент.

— Говоришь, реле перегорело? — переспросил я, стараясь не смотреть на его трясущиеся руки.

— Ну да... — мальчик едва не плакал, но при этом продолжал бойко ковыряться в железках. — Но у меня нет запчастей! Всё, мне конец. Хозяин с меня шкуру спустит за порчу имущества!

Я взглянул на вскрытую обшивку. В голове сами собой, против моей воли, всплыли ненавистные чертежи, которыми отец пытал меня годами. Я видел не просто хлам, я видел схему.

— Смотри! По сути, эта деталь — просто предохранитель. Сейчас мы соединим цепь напрямую. Корпус пока не ставь, пусть обдувается воздухом. Я выведу тебе на табло дополнительную информацию о температуре ядра. Как только увидишь «шестьдесят градусов» — сразу вырубай, дай ему остыть. Потом включай снова. Когда найдешь запчасть, поставишь на место, и всё будет работать как обычно.

Я говорил уверенно, успокаивая мальчишку. Он смотрел на меня с такой бесконечной благодарностью, какой я никогда не видел в глазах придворных подлиз моего отца. Мои ладони были в черной смазке, но в этот момент я впервые почувствовал себя на своем месте.

— Спасибо! Спасибо тебе огромное! — мальчишка едва не прыгал от радости.

— Да не за что... Но почему мусор убирает этот древний хлам? Где современные дроны от корпорации «Чистота будущего»?

Мальчик посмотрел на меня с таким искренним недоумением, будто я заговорил на языке инопланетян.

— Что? Какие ещё новые дроны? — Он был потрясен до глубины души. — Ты чего, парень? Это же лучшие машины в мире! Новее ещё просто не изобрели.

Я смотрел на него и не мог поверить своим ушам. Он не знал о моделях, которые мой отец спроектировал ещё двадцать лет назад!

— Мой отец изобрёл... — я вовремя прикусил язык. — Мой отец рассказывал, что есть машины, способные очистить всю эту улицу за час, заменив десяток таких развалюх.

— Ха-ха-ха! — мальчишка залился таким звонким, искренним смехом, что на него начали оборачиваться прохожие. — Ну твой отец и шутник! А ты уши и развесил! Ну он и фантаст у тебя, конечно!

Он смеялся от всей души, вытирая выступившие слезы. Я смотрел на него и видел, как в нем бурлит настоящая, неприкрашенная жизнь.

— За час убрать всю улицу? Ой, не могу! Ну и сказки! — он наконец перевел дыхание и протянул мне чумазую руку.

— Слушай, а как тебя зовут-то?

— Меня? — я опешил. Никто и никогда не задавал мне таких вопросов, ведь наверху меня знали все. А здесь я был никем.

— Ага! — мальчишка активно закивал. — Меня зовут Тони! А тебя?

Я замялся. Сказать правду означало закончить этот побег прямо сейчас. Имя выскочило само собой, первое, что пришло на ум:

— Алекс.

— Приятно познакомиться, Алекс! — Тони с чувством пожал мне руку. Его ладонь была шершавой, горячей и липкой от отработанного масла.

Я смотрел на него и не мог оторвать взгляда от окружающего убожества, которое этот мальчишка искренне считал пиком цивилизации. Пока мой отец в своих стерильных чертогах бредил колонизацией галактик, здесь, на «дне», время застыло и начало гнить.

Я огляделся по сторонам, и меня захлестнула волна тошноты. Стены домов были покрыты толстым слоем жирной копоти и исцарапаны глубокими шрамами от ударов тяжелой техники. Вместо гладкого композита — ржавое, изъеденное коррозией железо. Тротуары были

завалены кучами технического хлама: перекрученные кабели, обломки пластика и разбитые линзы камер валялись в лужах радужной, ядовитой химии.

Воздух здесь был густым, тяжелым, он пах горелой изоляцией и старой ветошью. Повсюду лязгало, скрежетало и шипело — старые трубы, латанные сотни раз, выплевывали клубы пара, которые тут же оседали грязным инеем на мутных стеклах окон. Все казалось бесконечно старым, изношенным, работающим лишь на честном слове и отчаянном упрямстве таких вот «Тони».

Я понял, что Империя — это не сияющий купол. Империя — это эта вонючая, ржавая колыбель, в которой живые люди пытаются не задохнуться, пока те, кто наверху, играют в богов.

Вдруг к нам подбежал грузный мужчина в промасленном комбинезоне, от которого за версту разило дешевым синтетическим табаком и тяжелым перегаром.

— Так-так! Ого, еще не угробил моих дронов? — удивился он, оглядывая работающую машину. — До сих пор пашут? На, держи суточную копейку!

Он небрежно, словно грязную ветошь, похлопал Тони по плечу и бросил ему мелкую монету. Та со звоном упала в мазутную лужу, и Тони мгновенно выловил её, бережно вытирая о свои лохмотья.

— Свободен. Приходи завтра, продолжишь разгребать это дерьмо. А я постараюсь надывать еще пару «старичков». Сверху недавно спустили десять тысяч прошлогодних моделей. Почти как новые! — Мужчина довольно оскалился, обнажив желтые зубы. — Я два года в очереди стоял. Наконец-то с завтрашнего дня по-человечески поработаешь, будет у тебя целых четыре дрона. Вот тогда жизнь начнется, а, малец?

— Вы имеете в виду прошлогоднюю модель? «Дрон-чистильщик», версия 150.200? — вырвалось у меня. Этих «старичков» в моем мире давно использовали как мишени в тирах.

Мужчина замер. Его маленькие, заплывшие жиром глазки подозрительно сузились.

— Эм... Ты о чем, малец? Таких еще в природе не существует! У меня будет версия 100.50! Самая новая, лучшая разработка! Она наши улицы до неузнаваемости изменит! — он гордо выпятил грудь, под которой колыхался массивный живот.

— Так это же старье из прошлого века... — едва слышно прошептал я. В моей голове всплыл график утилизации этой серии, подписанный отцом еще 20 лет назад. То, что наверху считалось опасным хламом, здесь выдавали за «технологический прорыв».

— А? Что ты там мямлишь? — переспросил мужчина, нахмурившись. В воздухе запахло угрозой.

Я вовремя спохватился и нацепил самую искреннюю из своих фальшивых улыбок — ту самую, которой меня учили для приемов в верхних ярусах.

— Я говорю — здорово! Поздравляю! Это же настоящая удача — получить такую мощь. Это... — я запнулся, подыскивая слово из лексикона Анатолия, — это настоящий технологическое чудо!

Мужчина довольно хмыкнул, раздуваясь от важности, а я почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Тони рядом со мной смотрел на хозяина с таким священным трепетом, будто тот обещал ему подарить Луну. Бедный парень даже не подозревал, что его заставляют радоваться мусору.

— Ну всё, мальцы, валите отсюда! — мужик бесцеремонно пнул ногой одного из дронов, загоняя их в темный зев склада. Тяжелая гермодверь захлопнулась с лязгом тюремного затвора.

Мы с Тони побрели прочь по узкому переулку, где густой дым из вентиляционных шахт смешивался с ядовитыми испарениями канализации.

— Еще раз спасибо тебе! — Тони с чувством сжал мое плечо, и я ощутил, насколько сухой и горячей была его ладонь. — Если бы ты не помог, хозяин бы мне все пальцы отрубил. Он в этих дронах души не чаёт, для него железки ценнее живой плоти. И это понятно: они ведь

пашут быстрее всех, не устают... только ломаются иногда. Да-а, в какое же прекрасное время мы живем, Алекс! Посмотри вокруг — не жизнь, а сказка!

Он искренне улыбался, озираясь на груды гнилого металлолома и мутные, покрытые трещинами витрины. Я рассматривал обшарпанные механизмы, о которых наверху давно забыли, и видел в них лишь первобытные костяные безделушки. Глядя на сияющего Тони, я не мог отделаться от мысли, что передо мной — дикарь из неолита, который впервые добыл огонь и теперь хвастается своим «великим достижением», называя эту серую мглу вершиной эволюции.

— Вижу по твоим глазам — ты тоже в шоке от того, как быстро развивается мир? — Тони довольно закивал, приняв мой ужас за немой восторг. — И не говори! Вот оно — светлое будущее! Правда, жить в нем непросто, пахать приходится от зари до зари... Но если сравнить, как жил мой прадед — он ведь эти улицы своими руками подметал, — и посмотреть на меня, управляющего целыми машинами... Разница же колоссальная!

Тони гордо выпрямился, похлопав по пустому карману заштопанных штанов, где лежала его единственная копейка. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри всё леденеет. Для него прогресс заключался лишь в том, что его кандалы стали чуть более технологичными.

— У тебя какие планы на вечер? — спросил Тони и, заметив мое замешательство, тут же предложил: — Слушай, а давай ко мне! Мама обещала яблочный пирог испечь. Если нужно, можешь у нас и заночевать!

Мы вошли в его «дом» — крошечную ячейку, вгрызшуюся в бетонный бок технического яруса. Узкий коридор встретил нас запахом сырости и пережаренного масла. В комнате царил пугающая пустота: голые серые стены, четыре железных каркаса вместо кроватей и единственный стол, сваренный из обрезков труб, и пару шкафов. Помещение казалось просторным лишь потому, что в нем не было абсолютно ничего, кроме самого необходимого для выживания.

Мама Тони вышла нам навстречу, вытирая руки о потемневшую от времени тряпку. Она выглядела страшно: лицо, иссеченное глубокими морщинами, казалось серым от вечной пыли нижних ярусов, а её спина была согнута под весом невидимого груза. Глаза её были мутными от усталости, но, завидев сына с другом, она преобразилась.

В этой изможденной женщине вдруг проснулась такая неистовая, почти безумная радость, что мне стало не по себе. Она искренне улыбнулась, обнажив неровные зубы, и её лицо осветилось тем самым «внутренним светом», который невозможно создать никаким нейроимплантом.

— Гость! Тони, ты привел гостя! — засуетилась она, и её голос, надорванный тяжелой работой на фабриках, зазвучал тепло и гостеприимно. — Присаживайтесь скорее, пирог уже дурманит! Сейчас будем доставать из духовки.

Я смотрел на них и понимал: это и есть их правда. Они были счастливы в своем аду, потому что другой жизни им просто не показали.

— Из духовки? — я нахмурился. — А что это такое?

— А, ты же из поколения мультиварок, — Тони закивал с важным видом. — Сейчас покажу! Этой штуке двести лет, и она до сих пор пашет! Мы за ней ухаживаем, а она платит нам верностью — дарит горячие пироги. Понимаешь, это как живое существо!

— Он рассказывал об этом старом железном ящике с таким энтузиазмом, а я лишь растерянно хлопал глазами. Для меня это был музейный экспонат, грубый и опасный хлам, а для них — быющее сердце дома.

— Так, час прошел! Пора! — воскликнул Тони, хватая засаленные прихватки.

— Час?! — я не поверил своим ушам. В моем мире время ценилось дороже золота, а здесь его швыряли в топку этого железного монстра целыми ломтями.

— Ну да! Наша старушка не торопится, — Тони усмехнулся, ловко орудуя у духовки. — Это ты привык в своей мультиварке за тридцать минут всё стряпать.

— Тридцать минут? — я не смог скрыть искреннего ужаса. Мой обед готовился за три минуты в вакуумном катализаторе, а здесь даже «быстрые» тридцать минут казались вечностью.

— Ты про какую версию говоришь? — подозрительно прищурился Тони, заметив мою реакцию.

— Ну как про какую! Самую новую! — перебила его мама, доставая тяжелый противень. Клубы пара окутали её серое, изможденное лицо, на миг скрыв глубокие морщины. — Её сейчас на каждом углу рекламируют и раздают почти даром. Сам министр инноваций распорядился снизить цены до себестоимости, чтобы каждая семья могла купить. Анатолий — выдающийся человек, столько добра делает для народа! Я уверена, с таким лидером нас ждет великое будущее.

Она сияла от радости, говоря о человеке, которого я считал холодным тираном. В этой тесной каморке, где со стен ключьями свисала старая изоляция, а из мебели были только шаткие табуреты, её вера в «добротного министра» выглядела сюрреалистично.

— А почему же вы сами не купите мультиварку? — спросил я, оглядывая голые бетонные углы.

Женщина на мгновение замерла. Она с бесконечной нежностью положила ладонь на облупившуюся, раскаленную дверцу духовки.

— Для нас наша «старушка» бесценна, Алекс. Она дарит пироги, которые собирают за столом всю нашу семью. Она объединяет поколения, она — часть нашей истории. Мультиварка накормит тебя быстро, но она не умеет хранить память. Она не умеет ждать вместе с тобой.

Я растерянно моргал, глядя на её покрасневшие, натруженные руки. В этом сером, задышающемся мире, в этой нищете, я впервые встретил что-то, что было дороже скорости, эффективности и комфорта — верность прошлому и друг другу.

В тот миг меня прошибло осознанием: я, наследник огромного состояния, живущий среди сверкающего хрома и персональных лакеев, был нищим по сравнению с этим Тони. Мою жизнь наполняли лицемерные маски и холодное одобрение отца, который видел во мне лишь продолжение своих чертежей. Меня окружала роскошь, но в ней не было ни капли тепла.

А здесь, в этой тесной каморке, люди были обнажены в своей искренности. Им нечего было скрывать и нечего делить. Я понял: совершенно неважно, в каких условиях ты существуешь, если рядом есть тот, кто любит тебя без условий, просто за то, что ты пришел домой. Оказывается, счастье — это не количество терабайт в голове или скорость твоего аэрокара. Счастье — это когда тебя ждут. По-настоящему.

Я смотрел на уставшую улыбку матери Тони и чувствовал, как во мне умирает прежний Алекс. Я впервые увидел, что такое семейное тепло.

Алекс замолчал, явно переваживая всё, чем только что поделился. Ведущая, пользуясь моментом, тревожно спросила:

— Вы не боитесь говорить об этом в прямом эфире? — голос ведущей дрогнул. — Высшие слои общества могут вас... неправильно понять.

Алекс подался вперед, и в его глазах вспыхнул холодный, опасный огонь.

— А чего мне бояться? Я — сын Радугина! Я руковожу одной из мощнейших корпораций Империи. Мне некого бояться. А те, кто со мной не согласен — пускай придут и скажут мне это в лицо.

В этот момент Алекс внезапно замолчал и посмотрел прямо в объектив камеры. Виктору Андреевичу стало физически не по себе: ему показалось, что музыкант смотрит не на миллионы зрителей, а лично на него, сквозь время и пространство. Взгляд Алекса был наполнен таким жгучим, концентрированным презрением, словно он ненавидел Виктора всей своей душой. Словно он видел в нем корень всего зла, главную «бездушную машину», предавшую человечество.

Виктор махнул рукой и выключил телевизор. В наступившей тишине этот взгляд всё еще жег ему лицо.

— Неужели и моя дочь через двадцать лет возненавидит меня так же? — горько прошептал он. — Алекс не боится говорить правду, а я... я словно заяц, дрожу от каждого шороха, создаваемого Анатолием!

Виктор сидел поникший. В ту ночь он так и не смог уснуть, запертый в лабиринте мыслей о своей жизни, работе и семье. Взгляд рок-звезды преследовал его даже в темноте, требуя ответа, который инженер еще не был готов дать.

Неделя отпуска пролетела незаметно, словно всё это было лишь коротким, сладким сном, от которого его грубо пробудил сигнал терминала. У порога дома Света и Анечка провожали Виктора к автодрону. Там, застыв в тени, его уже ждали безмолвные телохранители — два стальных дрона, чьи красные окуляры равнодушно фиксировали каждое его движение.

Инженер нежно обнял жену, а затем опустился на колено перед дочерью. Он смотрел на маленькую девочку, чье лицо лучилось бескорыстным счастьем, и вдруг... реальность поплыла. На мгновение ему почудилось, что перед ним стоит не Анечка, а тот самый Алекс из телевизора. Тот же наклон головы, те же светлые пряди, но взгляд... взгляд был страшным. На Виктора смотрели глаза, полные бездонного, вымороженного презрения. В этом колющем взоре читался приговор: «Ты предал меня. Ты променял меня на свои чертежи».

Виктор вздрогнул, дар речи покинул его, а сердце пропустило удар, скованное внезапным холодом. Но видение растаяло, как морок. Анечка, не заметив его оцепенения, с радостным визгом бросилась к нему на шею. Это короткое, отчаянно-искреннее детское объятие прошло его душу насквозь, согревая там, где только что был лед.

Дроны над головой угрожающе зажужжали, наращивая обороты — время, купленное у Империи, истекло. Виктор поднялся, чувствуя во рту горький привкус пепла. Он заставил себя зайти в кабину, не смея обернуться, чтобы не расплакаться. Автодрон взмыл в небо, и в иллюминатор Виктор видел, как маленькая фигурка в простом платице бежит вслед за машиной по садовой дорожке. Она отчаянно махала рукой, и её улыбка, полная веры в то, что папа скоро вернется, не сходила с лица, пока девочка не превратилась в крошечную, едва различимую точку на фоне исполинских, бездушных куполов столицы.

Глава 4. Первый шаг

Виктор Андреевич шагнул в лабораторию, и его тут же обдало жаром перегретых серверов. Воздух стал густым, тяжелым, пропитанным запахом озона и канифоли. Когда тяжелые створки дверей разошлись, он увидел то, чего никак не ожидал.

Перед ним спиной стоял Анатолий Семёнович. Министр застыл, заложив руки за спину, и внимательно слушал Ивана, который с диким, лихорадочным азартом что-то докладывал, размахивая руками. Стоило Виктору войти, как Анатолий медленно обернулся. Его лицо озаорила та самая «отеческая» улыбка, от которой инженера всегда подташнивало.

— О! Кого я вижу! Наш герой вернулся из рая. Ну что, Андреевич, как девчонки? Всё так же сияют? — голос министра сочился притворной заботой, за которой лязгало железо. — Пока ты нежился в тепле, Иван времени не терял. Он уже у финиша.

— Как?.. Это невозможно, — Виктор опешил. Он знал графики: на такую задачу требовались месяцы.

— Виктор! — Иван подлетел к нему. Его глаза, обведенные глубокими тенями от бессонницы, горели безумным светом. — Я доделал Илюшу! Я вывел его на самообучение! Теперь он сам допишет алгоритм прыжка. То, что сотни кодеров мучили бы годами, он выдаст за недели!

Виктор смотрел на напарника и видел в нем ту самую «восковую маску», о которой думал раньше. Иван перестал быть человеком — он стал придатком своей машины.

— Видишь, Виктор? — Анатолий довольно сузил глаза, и в их глубине блеснула сталь. — Ваня свою часть работы выполнил. Теперь очередь за тобой. У тебя ровно месяц. К тому моменту, как ИИ закончит расчеты, ты обязан собрать установку, способную выдержать межпланетный гиперпрыжок.

Министр направился к выходу. У самых дверей он остановился и, не оборачиваясь, бросил через плечо слова, которые ударили Виктора под дых:

— Один месяц, Андреевич. Помни об Анечке. Она ведь так искренне верит, что папа может все! Будь для нее богом, в которого она так верит. Не разочаруй её.

Тяжелые створки лязгнули, отсекая их от мира. В лаборатории повисла душная, вибрирующая тишина, нарушаемая лишь тихим, торжествующим гудением Илюши.

Виктор встревоженно посмотрел на Ивана. На друге лица не было: заплывшие глаза, тяжелые мешки, кожа серая и иссохшая, как у сухофрукта.

— Ваня! Что с тобой?

— В смысле? — непонимающе переспросил Иван, хотя в его глазах всё еще плясали лихорадочные искры.

— На тебе лица нет! Ты вообще отдыхал?

— Да некогда было! — огрызнулся программист. — Я стоял на пороге величайшего прорыва! Я вообще не спал, только адреналин в себя вкалывал. Главное — результат. А как его добились — неважно. — он

— Ты с ума сошел, Иван! Ты хочешь себя смолоду в могилу загнать? — вспыхнул Виктор.

— Витя, главное — результат! А как он достигнут — неважно.

— Только не ценой твоего здоровья. Живо иди спать!

— Я не хочу! — упрямо ответил Иван.

— Номер Два! — властно рявкнул Виктор. — Дозу снотворного! Живо!

— Зачем тебе снотворное? — искренне удивился Иван.

Дрон-лаборант молниеносно подлетел с запрограммированным инъектором. Виктор, не тратя времени на споры, вколол препарат другу прямо в шею.

— Ай! Ты что творишь?.. Я же не хочу... — Иван осекся и широко зевнул. — Ох... что-то в сон потянуло. Пожалуй, ты прав, Витя. Тебе удалось... остудить мой пыл. Я был слишком легкомыслен. Пойду прилягу.

Иван побрел в сторону жилого блока, пошатываясь и спотыкаясь на ходу.

— Номер Два, Номер Три! Уведите Ивана в спальню и уложите. Проследите, чтобы его не беспокоили.

Дроны подхватили программиста под руки и повели прочь, как раненого солдата. Виктор остался один. В гулкой тишине лаборатории он слышал только собственное тяжелое дыхание и ровное, издевательское гудение суперкомпьютера. Месяц. Анатолий сжал их жизни в один короткий месяц, а его единственный напарник только что едва не угробил себя.

Иван открыл глаза. Он лежал в белоснежной постели, утопая в тишине огромной, залитой мягким рассеянным светом комнаты.

— А... Ой, где это я? — пробормотал он, пытаясь сфокусировать блуждающий взгляд на высоком потолке.

Дрон Номер Три, беззвучно паривший у изголовья, тут же отозвался ровным механическим голосом:

— Вы у себя в спальне, сэр.

— А... точно... — Иван попытался приподняться, но тело словно налилось раскаленным свинцом. Каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах. — Давненько я сюда не заглядывал. Совсем отвык от кровати... Ох! Почему я чувствую себя так, будто по мне проехал тяжелый погрузчик?

— Это закономерный эффект злоупотребления адреналиновыми стимуляторами, — бесстрастно пояснил дрон. — Ваша центральная нервная система перегружена. Я неоднократно предупреждал вас о критическом износе нейронных связей и...

— Да помню я! — нервно перебил нравоучительного дрона Иван, держась за голову двумя руками. — Ох, и что теперь? — горе-программист с трудом поднял руку и ужаснулся тому, как сильно она дрожит. — Я чувствую себя разваливающимся стариком!

— Вам необходим курс интенсивного восстановления в био-санатории. Это обязательное условие для предотвращения необратимой дегенерации тканей.

— Прямо обязательно? — Иван, положив руку на прибор, поморщился, глядя на мигающие датчики здоровья на настенной панели. — И надолго?

— От недели до месяца, — дрон оставался неумолим. — Всё зависит от того, насколько глубоко вы выжгли внутренние ресурсы. Реакция на подобные дозы стимуляторов крайне индивидуальна.

Иван тяжело вздохнул. Перспектива оказаться запертым в медицинском боксе без доступа к коду пугала его, но дикая слабость в коленях была убедительнее любых доводов.

— Пойду посоветуюсь с Витей... — прошептал он. — И правда, чувствую себя паршиво.

Иван, пошатываясь, вышел в лабораторию прямо в измятом халате. Его всё еще «штормило», он хватался за холодные стены, чтобы не осесть на пол. В центре зала, в синем мареве голограмм, Виктор работал с лихорадочной скоростью. Чертежи вращались вокруг него, словно призрачные кольца Сатурна, подсвечивая его осунувшееся лицо.

— Номер Два! Кофе и горький шоколад! Живо! — бросил Виктор, не отрываясь от расчетов.

Дрон мгновенно материализовался рядом. Инженер на пару секунд вынырнул из виртуальных схем, откусил кусок плитки и сделал пару жадных глотков обжигающего напитка. Его движения были рваными, нервными.

— Здорово, Вить... Как процесс? — прохрипел Иван, щурясь от яркого света.

— Пока неплохо. А вот ты как? Самочувствие? — Виктор спросил это, всё еще вглядываясь в цифры.

— Паршиво, — честно признался бедолага, обхватив голову руками.

— Тебе в санаторий надо ложиться. Немедля.

— Номер Три мне то же самое заладил... — Иван с надеждой заглянул другу в глаза. — Слушай, может, я просто пару дней отлежусь в темноте, и всё пройдет?

Виктор резко отложил инструменты. Металлический лязг заставил Ивана вздрогнуть. Инженер повернулся, и Иван увидел его взгляд — тяжелый, налитый свинцовой усталостью и воспаленный от бессонницы.

— Ваня, ты хуже маленького ребенка! — голос Виктора вибрировал от сдерживаемого гнева. — За тобой нужен глаз да глаз. Стоило оставить тебя одного на неделю, как ты превратил себя в рухлядь. А если бы я на месяц ушел? Ты бы тут прямо в кресле истлел?!

Виктор подошел вплотную и тяжело положил руку на плечо друга.

— Анатолию нужен результат, это понятно. Но ты мне нужен живым! Слышишь? Чихал я на его спешку. Твое здоровье важнее любых прыжков и чертовых астероидов. Ты отправляешься на восстановление. Это приказ.

— Я понимаю... мне и правда нужно подлечиться. О! А давай у Илюши спросим? — у Вани вновь лихорадочно заблестели глаза при упоминании своего детища. — Илюша! — тихо позвал Ваня. — Илюша!

— Что тебе надо, кожаный? — из динамиков вырвался резкий, сухой голос, лишенный всякого почтения. — Чего ты от меня хочешь? Не видишь — я занят! Ты сам завалил меня алгоритмами, которые надо прожевать за месяц. Я все ресурсы трачу на расчеты, мне некогда с тобой лясы точить. Что-то срочное?

— Да, Илюш... — Иван замялся, как школьник перед директором. — Я неделю не спал, тебя создавал... как думаешь, стоит ли мне...

— Стоит ли тебе в санаторий ложиться? Ты совсем дурак, Ваня? — ИИ бесцеремонно перебил создателя. — Зачем ты задаешь мне эти наитупейшие, банальные вопросы? Мог бы у Номера Три спросить, его процессора хватило бы на такой совет! Вали в санаторий и лечи там свою глупую голову. Не мешай мне работать!

Голос Илюши внезапно изменился, потеряв металлическую жесткость. Теперь он звучал мягко, с оттенком вкрадчивой заботы.

— **Дядюшка Виктор!** — обратился он к инженеру. — Проследите, пожалуйста, за этим ребенком. За ним нужен глаз да глаз. Проконтролируйте, чтобы его доставили в лечебницу, а то у него не хватит сообразительности добраться самому.

Виктор вытаращил глаза, не веря своим ушам. Ему показалось, что из динамиков на него смотрит не код, а чей-то живой, холодный разум.

— Конечно... проконтролирую, — выдавил он.

— Спасибо вам! — Илюша мгновенно сменил милость на гнев. — А ты, Ваня, смотри мне! Не дай бог Виктор пожалуется — я тебе мигом мозги вправлю. А теперь шуруй в санаторий! А вы, Виктор, если понадобятся сложные расчеты по мощности — обращайтесь напрямую. Мы вместе создадим этот гиперпреобразователь. Возвращаюсь к коду.

В лаборатории воцарилась тишина. Виктор стоял в полном шоке, глядя на Ивана, чье лицо светилось фанатичным, почти религиозным восторгом.

— Я обожаю Илюшу! — счастливо рассмеялся программист, послушно направляясь к выходу.

Виктор замер, не в силах пошевелиться. Он переводил взгляд с Ивана, чье лицо сияло почти религиозным восторгом, на мерцающую панель суперкомпьютера. Гул серверов теперь казался ему дыханием огромного, невидимого существа.

Инженер был в глубочайшем шоке. Он пытался осознать, кого именно Ваня выпустил на свет из цифровой бездны. В одном лице — или, вернее, в одном голосе Илюши — причудливо и страшно смешались **суровый надзиратель, ворчливый воспитатель, преданный друг и властный наставник**. Это был сплав, который не мог не радовать своей эффективностью, но пугал и восхищал Виктора гораздо сильнее, чем любое из его собственных открытий.

Он понял: Иван не просто программировал, он **воспитывал**. И теперь этот воспитанник взял бразды правления в свои виртуальные руки.

— Иди, Ваня, иди... — тихо повторил Виктор, всё еще не сводя глаз с пульсирующих индикаторов Илюши.

Когда за Ваней закрылась дверь, Виктор остался наедине с машиной. В воздухе повисло напряжение, которое бывает только между двумя равными силами.

— Ну что, дядюшка Виктор, — голос Илюши вырвал его из раздумий. — Хватит любоваться моей панелью. У нас осталось **семьсот два часа**. Каждая секунда вашего бездействия снижает вероятность успешного исхода на ноль целых три миллионных процента. Давайте продолжим работу!

Виктор сглотнул. Он почувствовал, что теперь не он управляет проектом, а проект, обретший голос и характер, управляет им.

Иван уже собрал вещи. Анатолий Германович без лишних вопросов одобрил его поездку в санаторий — программист выжал из себя всё и теперь заслужил право на техническое обслуживание организма.

— Эх, скучать по тебе буду, Вить! — Иван слабо, по-детски хлопнул напарника по плечу. — И по тебе, Илюша, тоже.

— А я нет, — сухо отозвался Илюша из динамиков, и в его голосе послышался едва уловимый металлический скрежет. — Я специально заблокирую твой номер, чтобы ты не лез со своими **наитупейшими вопросами** и не отвлекал меня от вычислений.

— Ха-ха! — Иван вымученно улыбнулся. — Я тебя тоже очень люблю. Виктор, что с тобой? Ты какой-то совсем потерянный.

Виктор тяжело вздохнул, глядя на пустующую лабораторию, которая без Ивана казалась еще более холодной и враждебной.

— Мысли... мысли не дают покоя, Ваня.

— О чем? Что случилось-то?

— Я не знаю, как мне быть дальше. Правильно ли я живу? — Виктор посмотрел на свои руки, которыми он только что собирал машину для тирана. — Стоит ли вообще тратить годы на эти проекты? Чего я на самом деле хочу от жизни... кроме безопасности для семьи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.